

УДК 821.111.ЭЛИОТ.09

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В РАННЕЙ ПОЭЗИИ ЭЛИОТА

Е.С. БАЛТРУКОВА

(Полоцкий государственный университет)

mivseumrem@mail.ru

Исследованы художественные функции времени и пространства в раннем творчестве Т.С. Элиота. Элиот, как один из наиболее ярких представителей англо-американского модернизма, отличается особым подходом к созданию художественного пространства и времени, реализующих философскую и эстетическую концепцию автора. Для создания особого хронотопа Элиот использует различные художественные приемы. В раннем творчестве поэта их наибольшее количество, поскольку Элиот только оттачивает свой стиль, ищет свое направление. Отмечается, что поэт использует особые лексемы-маркеры, грамматические формы, прибегает к помощи оппозиций, где пространство и время противопоставлены сами себе, что создает особый эффект, соответствующий эстетическим и философским взглядам не только самого Элиота, но и других представителей модернизма.

Ключевые слова: пространство, время, оппозиции, лексемы, цикличность, миф, модернизм.

Введение. Образы пространства и времени играют центральную роль в творчестве Элиота. Поэт, постепенно переходя от подражания классическим произведениям к собственному стилю, выстраивает систему художественных образов на оппозициях, что соответствует системе образов, характерной для мифологического сознания. Образы противопоставляются друг другу на различных уровнях, пока не становятся тождественными. При этом образы пространства и времени у Элиота противопоставлены сами себе, поскольку являются универсальными категориями [7, с. 52]. Элиот описывает время как нечто бесконечно большое и одновременно бесконечно малое, циклическое и повторяющееся. Пространство же выступает у него как нечто единое, неделимое и при этом объективно несуществующее. Поэт использовал различные приемы для создания подобной антитезы.

Основная часть. В одном из ранних стихотворений «Song» уже присутствует двойственное восприятие времени и пространства, построенное на теории относительности Эйнштейна. Стихотворение начинается со строк: «If space and time, as sages say, / Are things which cannot be...»¹ [1], вводя предположение о несущественности таких категорий, далее Элиот развивает идею об их двойственной природе посредством примеров и оппозиций: «The fly that lives a single day / Has lived as long as we»² [1], иронично противопоставляя научную гипотезу сниженному образу мухи, после чего он выражает несогласие с таким пониманием времени: «For time is time, and runs away, / Though sages disagree»³. Во второй строфе Элиот говорит о цветах не только как о символе любви, но и как о примере того, как можно примирить два противоположных понимания времени: цветы быстро увядают, но сама любовь остается, что свидетельствует о том, что чувство, которое символизируют цветы, не поддается пространственно-временному описанию.

В еще одном стихотворении с тем же названием также присутствует мотив скоротечности времени: «But the wild roses in your wreath / Were faded, and the leaves were brown»⁴ [1]. Тот же прием используется и в стихотворении «Before Morning»:

«This morning's flowers and flowers of yesterday
Their fragrance drifts across the room at dawn,
Fragrance of bloom and fragrance of decay,
Fresh flowers, withered flowers, flowers of dawn»⁵ [1]

Позднее у Элиота появится другой прием для выражения противоречия в восприятии времени: использование указаний четких временных отрезков, в которых происходит действие. Элиот намеренно ограничивает время, подразделяя его на условные периоды, отрезки, принятые в обществе для его измерения. Поэт использует слова «morning», «afternoon», «evening», «night» или точно указывает время. При

¹ Если пространство и время, как говорят мудрецы / Не существуют.

² Муха, живущая один день / Прожила столько же, сколько и мы.

³ Но время есть время, оно убегает / Пусть мудрецы и несогласны.

⁴ Но дикие розы в твоём букете / Увяли, и лепестки почернели.

⁵ Утренние цветы и цветы вчерашние / Их аромат плывет по всей комнате на рассвете, / Аромат цветения и аромат тления, / Свежие цветы, увядшие цветы, цветы рассвета.

этом строгие рамки включают в себя рассуждения о бесконечности времени и Вселенной. Это есть и в «Любовной песни Дж. Альфреда Пруфрока» и в стихотворениях «Spleen», «Silence», «The Burned Dancer», «Preludes», «Rhapsody on a Windy Night».

То же происходит с изображением художественного пространства: Элиот строит лексические оппозиции, используя иногда в одной и той же строфе слова, выражающие пространство как философскую категорию, не имеющую пределов, например: «universe», «space», «world», и ограниченное, будничное пространство: «room», «house», «street». Иногда пространство и время могут быть выражены одной лексемой либо группой образов, которые имеют определенное значение, основанное на общественных правилах, традициях и нормах, что лучше всего отразилось в поэме «Любовная песнь Дж. Альфреда Пруфрока»

Поэма «Любовная песнь Дж. Альфреда Пруфрока» является заглавной в сборнике «Пруфрок и другие наблюдения», а также одной из наиболее значимых ранних поэм автора. И в ней автор особое внимание уделяет созданию образа двойственного пространства и времени.

Слово «time» в поэме встречается 11 раз, образ времени – один из наиболее очевидных и часто встречающихся в произведении. Причем время рассматривается и как философская категория, отражающая бесконечность бытия «And time for all the works and days of hands...», «And time yet for a hundred indecisions...», и как нечто будничное, рутинное, ограниченное и ограничивающее – как способ организовывать свой досуг. Для такого времени используется иная лексика: evening, nights, mornings, afternoons, moment, minute, sunsets. Благодаря этому создается эффект цикличности времени: нельзя точно сказать, в какой именно день происходит то или иное событие. Временные отрезки условны, но при этом конкретны. Таким образом, действие могло происходить в далеком прошлом или в будущем, или каждый день.

Поэт также дважды использует в произведении слово «Universe», причем лирический герой желает «disturb the Universe» «to squeeze the Universe into a ball». Но при этом ограниченное пространство комнаты, или даже более узкое, находящееся в рамках обеденного стола или дивана в гостиной, являются непреодолимым препятствием, лабиринтом, из которого Пруфрок не может вырваться, он подчиняется его условностям.

Таким образом, поэту удастся построить идейно-смысловую связь между бытовыми и возвышенными образами, создав особое художественное пространство-время, которое поначалу довольно сложно установить: из-за сбивчивого повествования и постоянной смены образов создается впечатление отсутствия какой-либо сюжетной линии или центрального мотива, вокруг которого выстраивалось бы повествование [6, с.114]. Однако установить его все же возможно. Лирический герой в своих размышлениях постоянно возвращается к одной и той же точке: «Let us go and make our visit», «...Before the taking of a toast and tea», «Should I, after tea and cakes and ices, / Have the strength to force the moment to its crisis?», «After the cups, the marmalade, the tea, / Among the porcelain, among some talk of you and me...», «...After the novels, after the teacups, after the skirts that trail along the floor...»⁶[3, с. 133]. Различные вариации образа вечернего чаепития, учитывая частоту, с которой в тексте встречаются элементы традиционного английского чаепития: чай, блюда, фарфор, пирожные, фрукты, а также четвертая строфа, в которой время на раздумья о вечном сжимается до короткого момента перед тем, как герой возьмет тост с чаем:

«And time yet for a hundred indecisions,
And for a hundred visions and revisions,
Before the taking of a toast and tea» [3, с. 133].

Эти повторяющиеся мотивы приводят к выводу о том, что художественное пространство текста ограничивается гостиной, а художественное время – это конец званого ужина, когда подают чай и десерт.

Таким образом, пространство и время, являясь относительными категориями, не могут быть объективно ограничены, границы их условны, это могут быть и правила, и нормы, принятые в обществе: чаепитие, например, не является само по себе фактором, который может ограничить пространство и время, однако, являясь социальным явлением со строгими правилами и условностями, оно создает границы в сознании лирического героя. Потому он не может преодолеть пространство у стола, блюдца, чашек и пытается поместить в него бесконечную вселенную, а время на принятие решений – в те несколько минут, когда подают чай.

В более раннем стихотворении «Spleen» этот прием еще не так заметен: используются только слова «sunday» и «evening». Однако, поставленные в начало каждого столбца, они четко ограничивают художественное время. Наибольшего мастерства при создании художественного времени Элиот достиг в «Preludes» и «Rhapsody on a Windy Night».

В «Preludes» прямые маркеры времени используются 8 раз. Это слова: «morning», «evening», «time», «day», «night», «o'clock». Так первая строфа начинается строчками:

«The winter evening settles down

⁶ «Пройдут романы, разговоры возле чайного / фарфора, / Паркет подолом платьев подметет...» [4, с. 54].

With smell of steaks in passageways.
Six o'clock.
The burnt-out ends of smoky days»⁷ [4].

Во второй строфе читаем:

«The morning comes to consciousness
Of faint stale smells of beer»⁸ [4].

И в четвертой части стихотворения:

«At four and five and six o'clock
And short square fingers stuffing pipes,
And evening newspapers, and eyes
Assured of certain certainties...»⁹ [4].

Помимо прямых маркеров времени, в стихотворении присутствуют и косвенные: действия, которые обычно совершаются в определенные часы, или предметы, также связанные с определенным временем суток, такие как: «newspapers from vacant lots», «the lighting of the lamps», «early coffee-stands», «tossed a blanket from the bed», «the light crept up between the shutters», «curled the papers from your hair». Все эти образы ограничивают художественное время, при этом автор использует форму множественного числа, чтобы показать постоянное повторение момента, что делает его бесконечным, а также в четвертой части добавляет:

«Impatient to assume the world.
I am moved by fancies that are curled
Around these images, and cling:
The notion of some infinitely gentle
Infinitely suffering thing.
Wipe your hand across your mouth, and laugh;
The worlds revolve like ancient women
Gathering fuel in vacant lots»¹⁰ [4].

Такой же контраст бесконечного и ограниченного времени мы наблюдаем и в «Rhapsody on a Windy Night», где прием антитезы и установление художественного времени достигли максимума: практически каждая строфа начинается с точного обозначения временного отрезка – «Twelve o'clock», «Half-past one», «Half-past two», «Half-past three», «Four o'clock». И в каждом из этих промежутков времени тот или иной образ отсылает лирического героя к воспоминаниям или размышлениям, которые уже не принадлежат этим временным рамкам, показывая тем самым их условность и относительность:

«Whispering lunar incantations
Dissolve the floors of the memory
And all its clear relations,
Its divisions and precisions,
Every street lamp that I pass
Beats like a fatalistic drum,
And through the spaces of the dark
Midnight shakes the memory
As a madman shakes a dead geranium»¹¹ [4].

⁷ Наступает зимний вечер, / Пахнет пищей в переулках. / Бьет шесть. / Дни в окурках и в прогулках [3, с. 76].

⁸ Очухивается рассвет, / Пивною давится отрыжкой [3, с. 77].

⁹ Четыре бьет, пять, шесть – так бьют лишь / безответных; / В коротких пальцах – трубка и табак / И разве что "вечерка" – и глазами / Он озирает не крошечность дум [3, с. 77].

¹⁰ Не нужно мне его богатства, / Разжалобленный этой нищетой, / Я думаю: какой хороший, / Какой несчастный и какой простой. / Засмейся, дав себе затрецину сперва; / Мир отвратителен со всей своею ношей, / Как нищенка на свалке по дрова [3, с. 78].

¹¹ Под лунный шепот и пение Стираются уровни памяти / И четкие отношения / Сомнений и уточнений, / И каждый встречный фонарь, / Как барабанный удар, / И всюду, куда ни глянь, / Ночь сотрясает память, / Как безумец – сухую герань [3, с. 79].

Здесь мы уже можем наблюдать и двойственное восприятие пространства, с одной стороны оно ограничивается улицей или даже светом фонаря, а с другой – это «spaces of the dark».

Или далее:

«The memory throws up high and dry
A crowd of twisted things;
A twisted branch upon the beach
Eaten smooth, and polished
As if the world gave up
The secret of its skeleton,
Stiff and white»¹² [4].

Особое пространственно-временное значение принимает здесь слово «memory», память, воспоминания становятся отдельным местом действия, происходившего в прошлом, но актуализированного настолько, что настоящее отходит на второй план.

Воспоминания вызывают не только конкретные предметы, но и запахи:

«With all the old nocturnal smells
That cross and cross across her brain.
The reminiscence comes
Of sunless dry geraniums»¹³ [4].

Использованный в этом произведении прием проявляется гораздо сильнее, чем в «Любовной песне Дж. Альфреда Пруфрока», по сути, на нем построено все стихотворение.

В сборнике «Выдумки мартовского зайца» подобных произведений предостаточно. Сборник отличается эклектичностью, множеством творческих поисков, он более личный, чем опубликованные при жизни Элиота работы. Стихотворения сборника наполнены комплексами, страхами и эротизмом [6, с. 120]. В него включена поэма: «The Love Song of St. Sebastian». В ней художественное пространство сжимается до объятий возлюбленной, подобный прием можно встретить в стихотворениях Джона Донна.

«And when the morning came
Between your breasts should lie my head»¹⁴ [5, с. 141].

В поэме практически отсутствует описание места, зато есть множество упоминаний частей тела: «your head», «my knees», «your ears», «my finger», так пространство у Элиота в этой поэме образуется не благодаря социальным условностям или нормам, а эмоционально. Причем особенность данной границы, созданной чувствами в том, что они имеют и физическое, точнее физиологическое воплощение. Оппозиция здесь выходит на другой уровень: пространство приобретает вполне материальную форму, бесконечная, относительная величина сжимается до тела из плоти и крови.

Художественное время – будущее. Поэма представляет собой некое пророчество, особенно примечательно то, что Элиот использует сослагательное наклонение, выраженное глаголом would, что добавляет неуверенности в слова лирического героя.

«Then you would take me in
Because I was hideous in your sight
You would take me in without shame
Because I should be dead»¹⁵ [5, с. 141].

«You would love me because I should have strangled you
And because of my infamy;
And I should love you the more because I mangled you
And because you were no longer beautiful
To anyone but me»¹⁶ [5, с. 143].

¹² Память подбрасывает с трухой/ Ворох кривых вещей –/ Кривую ветку на берегу, / Обглоданную до блеска, / Словно ею мир выдает / Тайну своих костей, / Белых и оцепенелых; [3, с. 81].

¹³ Со всеми ночными запахами / В своем сознании утомленном. / Приходят воспоминанья / О лишенной солнца сухой герани... [3, с. 82].

¹⁴ И меж грудей твоих к утру / Лежала б голова моя [8, с. 74].

¹⁵ К себе ввела б меня тогда, / Ибо был мерзок пред тобой, / Меня тыпустишь без стыда, / Ибо уже умру... [8, с. 74].

¹⁶ Меня б ты полюбила ибо / Я б задушил тебя в тот миг / Ты полюбила б за бесчестье, / Я б изувечил твоё тело, / И я, красу твою губя, / Сильнее б полюбил тебя, / Осталась бы прекрасной ты / Лишь для меня на целом свете [8, с. 75].

Заключение. Время и пространство являются важными эстетическими и идейными категориями для Элиота, что проявилось еще в ранних его работах. Поэт много экспериментирует над созданием особого художественного хронотопа, который точнее бы выражал авторскую интенцию. Особенностью данных категорий у Элиота является их двойственность, оппозиция по отношению к самим себе. Пространство становится относительной категорией, которой можно пренебречь. Оно может ограничиваться не только материальными объектами, но у него существуют и условные границы, созданные привычками, нормами поведения или, наоборот, эмоциями. Время же у поэта циклично, противопоставленное само себе, являясь бесконечно малой и одновременно неизмеримой величиной, оно в итоге начинает повторять само себя. Это пример мифологического времени. Для создания подобной двойственности автор использует различные лексические и грамматические приемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. World. Std. [Electronic resource] // Eliot, T.S. The Harvard Advocate Poems. – Mode of access: <http://world.std.com/~raparker/exploring/tseliot/works/poems/eliot-harvard-poems.html>. – Date of access: 15.02.2016.
2. Eliot, T.S. The Love Song of J. Alfred Prufrock / T.S. Eliot. – Chicago : Poetry Magazine, 1915. – P. 130–135.
3. Элиот, Т.С. Стихотворения и поэмы: сборник : пер. с англ. / Т.С. Элиот. – М. : АСТ, 2013. – 605 с.
4. Eliot, T.S. Prufrock and Other Observations [Electronic resource] / T.S. Eliot. – <http://www.gutenberg.org/files/1459/1459-h/1459-h.htm>. – Date of access: 15.02.2016.
5. Eliot, T.S. / Inventions of The March Hare / T.S. Eliot ; ed. by Christopher Ricks. – Sabon : US : Harvest, 1998. – 428 p.
6. Habib, M.A.R. The Early T. S. Eliot and Western Philosophy / M.A.R. Habib. – Cambridge University Press, 1999. – 290 p.
7. Maddrey, J. The Making of T. S. Eliot. A Study of the Literary Influences / J. Maddrey. – McFarland & Company, Inc, Publishers, 2009. – 190 p. Oser, L. The Ethics of Modernism. Moral Ideas in Yeats, Eliot, Joyce, Woolf, and Beckett / Lee Oser. – Cambridge University Press, 2009. – 180 p.
8. Пробштейн, Я. Элиот, Т.С. Стихотворения 1910–1916 гг./ Я. Пробштейн. – Таллинн : Новые облака, 2014. – С. 69–77.

Поступила 20.02.2017

ARTISTIC SPACE AND TIME IN T. S. ELIOT'S EARLY POETRY

A. BALTRUKOVA

Time and space are important categories for modernists art. Eliot as one of the most prominent representatives of the Anglo-American modernism, a distinctive approach to artistic creation of space and time, realizing the philosophical and aesthetic concept of the author. To create a specific chronotope, Eliot uses a variety of artistic techniques. There are a great number of them in the poet's early works. The reason to that is that Eliot was still trying to find his own style. Therefore the poet uses marking lexemes, grammatical forms and oppositions. Due to this oppositions time and space are opposed to themselves, which makes a special effect, correlating to Eliot's and other modernist poets' aesthetic and philosophical views.

Keywords: space, time, opposites, lexemes, recurrence, myth, modernism.